

**Институт восточных рукописей Российской академии наук
Российское историческое общество**

**Посвящается 200-летнему Юбилею
Азиатского музея/Института восточных рукописей РАН**

Всероссийская научная конференция

**АКАДЕМИК В.П. ВАСИЛЬЕВ (1818-1900) КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КИТАЯ, ТИБЕТА И МОНГОЛИИ.
К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ.**

**4 апреля 2018 г.
г. Санкт-Петербург**

**ПРОГРАММА
ТЕЗИСЫ**

Составители: Т. А. Пан, И. В. Кульганек

Санкт-Петербург
2018

Пока В.П. Васильев находился в Пекине, мимо его внимания не прошли поступления в библиотеку, сделанные в его отсутствие – от О. П. Войцеховского (1793-1850) и Академии Наук. Собрание бывшего врача Десятой миссии включает в себя преимущественно несколько десятков книг медицинского содержания.¹⁶ Что касается даров Академии Наук, то ими были дуплетные для библиотеки Академии издания по географии и законодательству цинской династии («Тунь-чжи» и «Дай-цин-хой-день»¹⁷).

После возвращения академика из Пекина до момента написания «Записки» новых поступлений академиком отмечено не было.

Пан Т.А.

В.П. Васильев как преподаватель маньчжурского языка*

Отправляясь в Китай в составе Девятой Духовной миссии, магистр Казанского университета В.П. Васильев имел задание совершенствовать свои знания языков монгольского, тибетского и санскрита. Однако уже в Троицкосавске, на границе с Китаем, он начал занятия китайским языком с преподавателем Кяхтинского училища Г.К. Крымским (1796-1861). В своем «Кратком отчете о занятиях во время десятилетнего пребывания в Пекине» Васильев пишет: «Изучением маньчжурского языка я занялся уже после знакомства с тибетским и китайским. Ныне этот язык, принадлежащий правительству, может считаться мертвым; в Пекине даже в самом дворце никто из маньчжуров по происхождению не говорит на нем от рождения; китайцы, переселенцы в Маньчжурию, изгнали его и с родины. Между тем, изучение книжного языка, как делового, сильно еще утверждено вне Великой стены, и нам неоднократно случалось встречать проезжающих из Или, Кобдо, как и из Хэйлунцзяна (Амура), равно выучившихся говорить по-маньчжурски, и даже лучше пекинских чиновников. Сверх сего из самой внутренности Китая часто являются в Пекин, и поселившись там, маньчжурский держат экзамен на степень докторантов. Литература языка, которого письменность началась только с основания династии, почти вся состоит только из переводов с китайского; но ныне эти переводы являются весьма редко, и едва ли можно ожидать больших последствий от позднейших усилий покойного Императора воскресить изучение языка своих предков. Таким образом, *для ученых этот язык не может представлять большого интереса кроме этимологического знакомства; для начинающих учиться китайскому языку он может служить пособием в чтении тех книг, которые переведены на него, по большей определенности грамматики и конструкций.* Мне не трудно было свыкнуться с этим языком по сродству его в устройстве грамматическом и в множестве слов с монгольским. Я пересматривал на нем классические книги конфуцианизма, историю Тунцзян ганьму, часть уложений и повести, и романы, переведенные с китайского, наверно и лучшие знатоки маньчжурского языка затрудняются в чтении с пониманием существующих на нем буддийских книг без навыка в чтении их на других языках. Это моя выгода.

Специально изучение маньчжурского языка для русских имеет приложение в дипломатических наших сношениях с Китаем, потому что бумаги, пересылаемые взаимно от двух правительств непременно между прочим должны писаться на маньчжурском

Студия НП-Принт, 2012.

¹⁶ Они были описаны Ли Минем и Л.П. Чуриловым. См.: Ли Минь, Чурилов В.П. Китайские рукописи и старопечатные книги по медицине в фондах Восточного отдела Научной библиотеки имени М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2014. № 2. С. 259-277.

¹⁷ «Записка», с. 325.

* Работа выполнена по гранту РФФИ № 17-01-00209/17-ОГОН «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О.М. Ковалевский и В.П. Васильев»

языке. Это, наверно, продолжится до конца настоящей династии в Китае, потому что для русских переводчиков было бы труднее изучение китайской письменности» (л. 67а-б).

Эта длинная цитата из Отчета магистранта В.П. Васильева, поданного Историко-филологический факультет в 1850 г., четко определяет то направление его научной и преподавательской деятельности, к которой он был вынужден приступить по возвращении из Китая. Несмотря на то, что он готовился к преподаванию тибетского языка и буддологии, такой возможности не оказалось, и ему было предложено занять место экстраординарного профессора по кафедре китайского и маньчжурского языков. Такая кафедра была учреждена в казанском университете в 1837 г., и на ней преподавали бывшие ученики пекинской Духовной миссии. К моменту возвращения В.П. Васильева скончался Осип Войцеховский (1793-1850), и преподавание было прервано, а восемь слушателей ждали нового наставника. В ноябре 1850 г. В.П. Васильев дает согласие на занятие вакантной должности и начинает готовиться к преподаванию китайского и маньчжурского языков, оставляя тибетологию, буддологию и другие интересующие его предметы на более позднее время.

Для студентов Казанского университета в свой первый академический год В.П. Васильев составляет «Программу преподавания китайского языка, истории и литературы, маньчжурского языка 1851-1852 по разряду восточной словесности». Ныне эта программа хранится в личном архиве В.П. Васильева в СПбФ АРАН, фонд 775, опись 1, ед.хр. 179 и свидетельствует о методике преподавания этих языков, учебных материалах и форме преподавания, использованной В.П. Васильевым в Казани, а затем на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета. Именно по ней В.П. Васильев вел занятия на китайско-маньчжурско-монгольском разряде Восточного факультета в течение нескольких десятилетий.

Программа маньчжурского языка более подробна, чем для преподавания китайского языка, она рассчитана на 4 года и в сокращенном виде состоит в следующем:

На 1-ом курсе (2 часа в неделю): чтение и письмо, основы грамматики маньчжурского языка по немецкой грамматике Габеленца и маньчжурской грамматике «Цин вэнь ци мэнь», перевод маньчжурских диалогов из «Цинвэнь цимэн» и глав «Амба тачинь».

На 2-м, 3-м и 4-м курсах (1ч. в неделю): перевод на русский язык из маньчжурских книг «Четверокнижье на маньчжурском языке» (Сы шу), «Священных наставлений императоров» (Эндурингэ тачихянь бэ нэйхэмэ бадарамбура битхэ), различных конфуцианских текстов, законодательных, исторически, перевод указов и глав из романа «Путешествие на запад» (Си сян цзи).

Кроме занятий маньчжурским языком, В.П. Васильев на 1-м курсе (1 час в неделю) вел занятия по истории и литературе, письменности маньчжуров, на 2-м курсе читал историю династии Цин с момента ее возникновения до утверждения в Китае и расширении границ на запад, войны с Кореей, Непалом и Бирмой; на 3-м курсе давал подробную характеристику маньчжурского языка и его место в алтайской семье языков, переводы китайской литературы, особенности устройства маньчжурского двора и церемоний; на 4-м курсе разбирал маньчжурское законодательство, особенности китайского управления, гражданские и военные учреждения.

Более того, В.П. Васильев вел дополнительный практический курс для переводчиков, который состоял в «составлении письменных извлечений из прочитанного и упражнений в переводе с русского и китайского на маньчжурский».

Следует отметить, что В.П. Васильевым был выбран правильный курс параллельной подготовки китаистов и маньчжуроведов и неразрывности этих обеих дисциплин для изучения цинского Китая, периода, когда жил В.П. Васильев и когда вся государственная переписка с Китаем обязательно велась на маньчжурском языке.

Для преподавания маньчжурского языка В.П. Васильев составил «Маньчжурскую хрестоматию для первоначального преподавания», изданную в Санкт-Петербурге в 1863. Она состоит из нескольких разделов: переводы с китайского языка классических произведений, образцы разговорного языка из маньчжурских сборников «Тангу мэйнь» и «Циньвэнь цимэн», тексты российско-китайских договоров на маньчжурском языке. Таким образом, в ней представлены основные образцы маньчжурского языка. Хрестоматия была напечатана в Типографии Императорской Академии наук, где к тому времени уже были восточные шрифты.

Немного позднее, в 1866 г., литографическим способом был издан «Маньчжурско-русский словарь, составленный для руководства студентов, Профессором Санкт-Петербургского университета В. Васильевым», содержащий 5 849 гнездовых слов, расположенных по порядку русского алфавита. В своем предисловии к словарю В.П. Васильев пишет: «Не будучи обширен, лексикон мною составленный списывался до сих пор каждым учившимся у меня студентом, конечно, не без ошибок, потому что я не могу похвастаться разборчивым почерком. Вот почему, когда Г. Студент 2-го курса Кортнев просил меня о дозволении отлитографировать этот лексикон, я не мог не согласиться на его предложение, хотя конечно, мне не хотелось бы издавать в свет труд несовершенный. Однако все же, пока мы не будем иметь лексикона лучше, и этот труд может приносить некоторую пользу». Этот словарь был первым изданным в России словарем маньчжурского языка и в течение многих лет был единственным справочным пособием по этому языку, до издания знаменитого «Полного маньчжурско-русского словаря» учеником В.П. Васильева – И.И. Захаровым в 1877 г.

В.П. Васильев оставался единственным преподавателем китайского и маньчжурского языков на всех четырех курсах китайско-маньчжурского разряда в течение 12 лет. После него на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета маньчжурский язык преподавали И.И. Захаров (1814-1885) и А.О. Ивановский (1863-1900), активно использовавшие учебные пособия своего учителя. Фактически, ученики В.П. Васильева были последними преподавателями на Восточном факультете, дававшими маньчжурский язык на регулярной основе.

Почкаев Р.

**Между двумя империями: правовое положение Кульджи
во второй половине XVIII – первой половине XIX в.
(по запискам русских путешественников)***

Интерес В.П. Васильева к Кульдже и ее значению для России и российско-китайских отношений не сводился к изучению истории этого региона и восточных источников о нем. В 1870-е гг. он опубликовал ряд концептуальных статей в российских газетах, где подчеркивал особенности статуса Кульджи и ее стратегическую важность для России и ее отношений с народами и государствами Центральной Азии. Обратившись к материалам второй половины XVIII – первой половины XIX вв., можно убедиться, что доводы В.П. Васильева имели под собой давние основания, и важность значения Кульджи для восточной политики России осознавалась задолго до восстания в Восточном Туркестане и временного присоединения Илийского края к России в 1871–1881 гг.

Настоящее исследование представляет собой анализ правового положения Кульджи со времени включения этого региона в состав империи Цин и до образования Кульджинского (таранчинского) султаната в 1860-е гг. Основными источниками являются записки российских современников, побывавших в Кульдже в рассматриваемый период.

---

* Исследование проведено в рамках проекта № 18-IP-01, поддержанного НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург.